

МЕТАФОРА ГОСУДАРСТВО — ТЕЛО В АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVI—XVII вв.

Аналогия между микрокосмом и макрокосмом, строением человеческого тела и устройством общества и государства имеет глубокую историю. Логика эволюции этой аналогии ясна исследователям: от субстанционального отождествления в древности¹ до сознательного метафорического истолкования ее в рамках позитивистских так называемых «органических» теорий общества XIX в.²

Возникает совершенно справедливый вопрос о том, какую познавательную функцию выполняла эта аналогия в различные исторические эпохи. Естественно, роль этой аналогии значительнее в те периоды, когда наука об обществе находилась еще на доаналитической стадии развития, не выработала своего понятийного аппарата и терминологии и вынуждена прибегать к метафоре, говорить на «чужом языке», метафорически переосмысляя его. Еще ярче эти закономерности прослеживаются на уровне обыденного сознания. В работе А.Я. Гуревича раскрыто присущее средневековому человеку обладание чувством аналогии, более того, родства структуры космоса, общества, государства и его собственной структуры.³

Усилившиеся на фоне одновременной резкой критики частота и интенсивность разработки аналогии микрокосма и макрокосма в эпоху Возрождения требуют особого объяснения. Так, отмечая попытки Николая Кузанского объединить идеи микрокосма с христологией, Парацельса — с опытной медициной, Бруно — с символической логикой, Кампанеллы — со спиритуалистической онтологией, Бёме — с мистицизмом, исследовавший эту проблему Дж. П. Конгер писал о том, что мыслители той эпохи, «даже когда они критиковали прежние теории микрокосма, были не в состоянии полностью порвать с ними, а, наоборот, в той или иной степени включали их в свои новые оценки мира».⁴ Исследова-

⁴ Егоров Д.А. История лицеев в России от основания до закрытия. Иваново, 1992. С. 70.

⁵ РГА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 458. 1916 г. Л. 112–113.

⁶ Доклад М.В. Левченко в ГАИМК «К истории византийского землевладения в Египте». 13 окт. 1934 г. // ПФА РАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 71. Л. 212–213; Левченко М.В. К истории аграрных отношений в Византии VI–VII вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1935. № 1.

⁷ Автобиография М.В. Левченко... Л. 3.

⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Труды М.В. Левченко: 1) Византия и славяне в VI в. // ВДИ. № 4 (5). 1938. С. 23–48; 2) Материалы для внутренней истории Восточно-Римской империи V–VII вв. / Византийский сборник. М.; Л., 1945. С. 12–94; 3) История Византии. М.; Л., 1940.

¹⁰ ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1661. Л. 25.

¹¹ Там же. Л. 63.

¹² Левченко М.В. Церковные имущества V–VII вв. в Восточно-Римской империи // ВВ. Т. 2 (XXVII). 1949. С. 11–59. — Из материалов протоколов заседаний группы византиноведения в Ленинградском отделении института истории АН СССР следует, что в 1941 г. Митрофан Васильевич выступил с тремя докладами: «Восточно-Римские провинции», «Императорское землевладение в Византии IV–V вв.», «Церковное и монастырское землевладение в Византии» (ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1616. Л. 41). Таким образом, по крайней мере начальный этап подготовки материалов относится к 1941 г.

¹³ Левченко М.В. Церковные имущества... С. 58.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 15. Д. 244. 1951 г. Л. 12; Оп. 13. Д. 1554. Л. 1.

¹⁵ Левченко М.В. 1) Пентаполь по письмам Синезии // ВВ. Т. IV. 1956. С. 4–44; 2) Синезий в Константинополе и его речь «О царстве» // Учен. записки. АГУ. № 18. 1951. С. 222–249; 3) Византийский историк Агафий Миринейский и его мировоззрение // ВВ. Т. 3. 1950. С. 62–84. — В одной из статей А.П. Каждана находим такую оценку: «В «Истории Византии» М.В. Левченко дал более глубокий анализ социальной политики Компинов, чем это было в учебных пособиях по истории средних веков до него и даже позже, в 50–60-е годы» (Каждан А.П. Загадка Компинов // ВВ. Т. XXV. 1964. С. 93).

¹⁶ Левченко М.В. Очерки по истории византийско-русских отношений. М., 1956. См. также: Зимин А.А., Курбатов Г.Л. М.В. Левченко «Очерки по истории византийско-русских отношений». М., 1956 // ВВ. Т. XII. 1957. С. 270–284; Курбатов Г.Л. История Византии: (Историография)... С. 191–192 и др. историографические работы.

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 1036. Оп. 2. Д. 137. Л. 12, 13.

¹⁸ Там же. Л. 20; ПФА РАН. Ф. 1036. Оп. 2. Д. 121. Л. 26.

тель объясняет это тем, что «теория о том, что человек суть микрокосм, как нельзя лучше соответствовала тому значению, какое гуманисты склонны были приписывать человеку». ⁵

Анализ употребления метафоры государство — тело в английской политической мысли XVI–XVII вв. проливает свет на специфику познавательных функций аналогии макрокосма и микрокосма в эту эпоху. Однако решение этой проблемы длительное время сдерживалось скептическим отношением позитивистски ориентированных историков общественной мысли средневековья и эпохи Возрождения к познавательным функциям метафоры. В политико-правовых учениях прошлого эти исследователи стремились увидеть абстрактную, логицизирующую схему. В работах этих историков об аналогии между телом и обществом мы обнаруживаем лишь краткие пренебрежительные замечания. Так, Г.О. Тэйлор по поводу этой чрезвычайно важной и широко распространенной аналогии говорит, что это не более чем «банальное антропоморфное сравнение», а ее частое употребление объясняется лишь тем, что это была «полюбившаяся аналогия». ⁶ О. Гирке бегло упоминает о «причудливом и ошибочном антропоморфном образе». ⁷ Дж. Н. Фиггис глубокомысленно замечает, что эта «гротескная метафора» не отражает реальной действительности. ⁸ Дж. В. Морал склонен был трактовать аналогю между микрокосмом и макрокосмом как «фантастический постулат», а частоту употребления прочих метафор мыслителями средних веков и эпохи Возрождения объяснять «бесплодным педантизмом». ⁹

В столь же легковесном тоне рассуждает по поводу символики трактата Эдмунда Дадли «Древо общего блага» (1509–1510) и Кристофер Моррис: «Можно было бы ожидать, что книга Дадли явится учебником для монарха нового типа, реалистичным, возможно даже «макиавеллистским» по тону и содержанию. В то время как по форме это — средневековая аллегория, доведенная почти до размеров пародии. Читатель узнает, что у Древа общего блага не только четыре корня и пять плодов и что у каждого плода плохая косточка и хорошая кожура, он узнает также, что кожуру надобно

есть под «приправой страха Божьего». Средневековой чертой является также и то, что одной из косточек «предприимчивости» надлежит иметь двух «последователей» или «посыльных»: «недовольство» и «высокомерие»; или, быть может, это просто «поэтическая вольность». ¹⁰ Этот обычный для историков-позитивистов подход к изучению познавательной роли аналогии в эпоху Возрождения выражен в одной фразе Дж. Сэбайна об аналогии между макрокосмом и микрокосмом: «Изысканная, но не очень понятная аналогия». ¹¹ Приведенные выше мнения проистекали из стремления увидеть в истории общественной мысли средневековья и эпохи Возрождения только логически выраженные системы и, вследствие этого, непонимание принципиальной роли метафоры.

Взгляд, приписывающий метафоре лишь орнаментальную функцию, окончательно сложился в XIX в. Наука, по мнению ученых-позитивистов, должна оперировать строго логически определенными терминами. В популяризации научных знаний допустим эмоциональный элемент, и добиться его можно путем применения определенных приемов, в том числе и метафоры. ¹²

Подобный взгляд на метафору слишком узок. Исследования последних десятилетий показали, что метафора является одной из форм реализации универсального структурообразующего принципа мышления. ¹³ В работах историков-медиевистов также отмечается пристальный интерес к метафорической форме изложения основополагающих политико-правовых концепций. ¹⁴

Примером наиболее последовательного проведения аналогии между человеческим телом и государством является трактат Эд. Форсета «Сравнительное рассуждение о телах естественном и политическом» (1606). ¹⁵ Эд. Форсет строит свои рассуждения, сопоставляя строение человеческого тела и государства. В начале трактата, обосновывая свой метод, он апеллирует к античному авторитету: «Верно было сказано Пифагором: человек есть мера всех вещей». ¹⁶ Это позволяет Форсету утверждать, что «в самом строении человека явно обнаруживается общее понятие об абсолютном совершенстве, с помощью которого, словно посредством превосходной

идеи или строгого правила, мы можем проверить и измерить все вещи». ¹⁷

Форсет подробно разбирает отношения между правителем и подданными, как отношения между душой и телом: «Как при сотворении человека Бог соединил душу, побуждающую к действию с пассивным телом, так и в Своих установлениях общественных связей людей с целью установления единства государства Он соединил вместе пассивное подданство с активным верховенством; и подобно тому, как в каждом человеке есть побуждающая и управляющая душа и получившее жизнь управляемое тело, так и в государстве есть направляющая и управляющая власть и покорные и преданные подданные». ¹⁸

Трактат Форсета свидетельствует о том, в каком направлении публицистика абсолютистского толка предлагала читателям рассматривать отношения между монархом и законом. Форсет утверждает, что подобно тому, как душа, сравнение которой с монархом он произвел, посредством разума управляет телом, так и правитель управляет государством посредством законов. ¹⁹ В самом этом сравнении содержится намек на иерархическую соподчиненность одного другому.

Развивая органическую метафору, Форсет уподобляет монарха сердцу: «Сердце — источник жизни, тепла, средоточие крови; орган, прежде всего начинающий жить и умирающий позже всех. В согласии с этими добродетелями и достоинствами в каждом государстве признают власть монарха, ибо он полагает начало государству; от него оно получает драгоценную кровь жизни; подобно живительному огню, он зажигает государство; государство полностью ему доверяет; монарх управляет государством во всех отношениях, ибо без него оно не способно долго существовать и тотчас же распадется». ²⁰

Обращение к трактату Форсета позволяет нам решить и такую сложную проблему в бытовании метафоры, как «окостенение» метафоры, превращение ее в термин, ограничивающий ее эвристические, познавательные функции (ср.: современные значения выражений «глава государства», «органы управления», «ветви власти» и т. п.).

Трактат Форсета обнажает специфическое отличие употребления органической метафоры в общественной мысли эпохи Возрождения, которое, на наш взгляд, состоит в том, что, с одной стороны, эта метафора до известной степени осознавалась лишь как риторический троп, с другой же — будучи наполненной медицинским (в ренессансном значении этой науки) содержанием, эта метафора сохраняла познавательную функцию.

Именно медицина XVI–XVII вв. наполняет атмосферу о государстве — теле новым смыслом, спасает ее от полного «стирания». В медицине того времени аналогия между макрокосмом и микрокосмом получает новое методологическое значение. В. Пажель указывает на проводимую в XVI — начале XVII в. аналогию между кровообращением и круговоротом воды в природе. ²¹ Метафора сыграла конструктивную роль.

Английский врач первой половины XVII в. Томас Браун в своем сочинении «Religio Medici» (1642) писал, что по поводу теории, представляющей человека в виде микрокосма, он думал, «что это лишь красивый риторический троп, пока при ближайшем рассмотрении не увидел, что в этом заключается истина, а именно, что человек совмещает атрибуты всех видов, от неорганических до ангельских». ²²

Особое положение медицины в системе знания XVI в. объясняет, почему именно она наполнила своим содержанием аналогию между микрокосмом и макрокосмом. М.М. Бахтин был первым, кто обратил внимание на то, что в ту эпоху медицина находилась не только в центре всех естественных, но и гуманитарных наук, почти отождествлялась с философией: «Это была единственная эпоха... пытавшаяся ориентировать всю картину мира, все мировоззрение именно на медицину». ²³

То, что медицина внесла такой большой вклад в тезаурус символов средневековья и эпохи Возрождения, объясняется самым характером медицины того времени — насквозь семиотичным. «Такие медицинские дисциплины, как диагностика и терапия, — пишет Т. Эксколь, — опираются на противоположные концепции патологического процесса. В то время как концепция симптомов — центральная в диаг-

ности, каузальная концепция — опора терапии. Поэтому ответ на вопрос о взаимосвязи болезни и симптомов носил по преимуществу либо семиотический, либо каузальный характер. Научная медицина античности и средних веков трактовала это отношение как семиотическое. Она выработала свою эмпирическую методологию, в рамках которой, исследуя симптомы, приходила к заключению о прошлом и будущем состоянии организма.²⁴

Мысль М.М. Бахтина об особом месте медицины в картине мира эпохи Возрождения подтверждается разработкой образа врача, лечащего государство — тело, в английской публицистике того времени. В 1601 г. был опубликован «Трактат о раковой опухоли общего блага Англии» Жерара де Меляйнса, который писал, что в трактате «автор, уподобясь хорошему врачу, сначала поставит диагноз болезни, затем укажет на достаточную причину болезни и, наконец, даст средство, способное излечить».²⁵

В английской стихотворной сатире был широко распространён образ сатирика-хирурга, жестокими средствами излечивающего болезни общества.²⁶ Но в публицистике, посвящённой социально-политическим вопросам, это был сравнительно новый и неожиданный образ.

Образ памфлетиста-врача приобретал новое значение и, следовательно, корреспондировал не только с традиционным литературным образом сатирика-врача, но и с бытовавшими тогда представлениями о реальных врачах. Профессия врача считалась принадлежащей к числу тех, представители которых пекутся только о личной выгоде, — юристы, ростовщики, медики.²⁷

Но в XVI в. происходит и реабилитация образа врача. Это — время критики Галена и галенизма, прочно связанных в обыденном представлении с врачом, пекущемся не о здоровье пациента, а о собственном вознаграждении. С Парацельсом же приходит и более ответственное понимание обязанностей врача перед пациентом.²⁸

Неслучайным оказалось и выбранное Меляйнсом название для определения болезни английского государства. Рак (Cancer) был заболеванием загадочным, страшным (пагубное

воздействие многих совершенно различных болезней приписывалось раку).²⁹

В системе опытного знания Ф. Бэкона аналогии между макрокосмом и микрокосмом, истолкованной в медицинском смысле, не нашлось места: «Мы не собираемся, — писал Ф. Бэкон, — разделять с Парацельсом и алхимиками их сумасбродные идеи относительно того, что в человеческом теле можно обнаружить соответствия отдельным видам, существующим во Вселенной (звездам, минералам и т. п.), ибо эти басни представляют собою несерьёзное и примитивное истолкование знаменитого положения древних о том, что человек — микрокосм, т. е. уменьшенный образ всего мира, и применение этого положения к их собственным измышлениям».³⁰

Но в предшествующий Ф. Бэкону период очевидна парадоксальная ситуация: в условиях накопления естественнонаучных знаний о человеческом организме, несмотря на появление в достаточной степени реалистических представлений о государственном устройстве (Н. Макиавелли, Ж. Боден), метафоры «тело — общество», «тело — государство», казалось бы обречённые на полное смысловое стирание, получают необычайно широкое распространение. Пристальное изучение подобных метафор в политических памфлетах XVI — начале XVII в. позволяет углубить представление о специфике ренессансного мышления, ярко выраженном характере конкретно-чувственного восприятия действительности, натурфилософской картине мира, а также выявить степень реального восприятия и интерпретации естественнонаучных открытий современниками.

¹ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.

² Кон И.С. Позитивизм в социологии: Исторический очерк. Л., 1964.

³ Гуревич А.Я. Категория средневековой культуры. М., 1972.

⁴ Conger G.P. Theories of Macrocosms and Microcosms in the History of Philosophy. New York, 1967. P. 53.

⁵ Ibid.

⁶ Taylor H.O. The Medieval Mind. 4th ed. London, 1927. Vol. II. P. 305.

⁷ Gierke O. Political Theories of the Middle Age / Ed. By Maitland. Boston, 1958. P. 22, 24, 132.

⁸ Figgis J.N. The Divine Rights of Kings. 2nd ed. Cambridge, 1922. P. 160.

⁹ Morall J.B. Political Thought in Medieval Times. 2nd ed. London, 1960. P. 101.

¹⁰ Morris Ch. Political Thought in England: Tyndale to Hooker. Oxford, 1953. P. 15-16.

¹¹ Sabine G.H. A History of Political Theory. 3rd ed. London, 1959. P. 335.

¹² Анализ этих концепций см.: Разинкина Н.М. 1) Стилистика английской научной речи. Элементы эмоционально-субъективной оценки. М., 1972; 2) Развитие языка английской научной литературы (Лингвостилистическое исследование XVI-XX вв.). М., 1978.

¹³ Сигнеева Р.В. Принцип метафоричности и его реализация в искусстве // Эстетика и жизнь. Вып. 6. М., 1979. С. 188-209.

¹⁴ Сапрыкин Ю.М. Эдмунд Дадли и его идеи о реформе церкви // Культура эпохи Возрождения и Реформации. М., 1981; Березкин А.В. Интерпретация модели общественного устройства в миропонимании человека эпохи Возрождения // Человек: опыт комплексного исследования. Владивосток, 1988; Кондратьев С.В. Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996.

¹⁵ Forset E. A Comparative Discourse of the Bodies Natural and Politique. London, 1606 // Winny J. (ed.) The Frame of Order. London, 1962. P. 89-103.

¹⁶ Forset E. A Comparative Discourse... P. 89.

¹⁷ Ibid. P. 89-90.

¹⁸ Ibid. P. 90.

¹⁹ Ibid. P. 91.

²⁰ Ibid. P. 100.

²¹ Pagel W. William Harvey's Biological Ideas. Select Aspects and Historical Background. Basel, 1967. P. 71-88, 89-122.

²² Browne Th. Religio Medici. London, 1906. P. 39.

²³ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле. М., 1965. С. 391.

²⁴ Uexküll T. Historische Überlegung zu dem Problem einer Medizin — Semiotik // Zeitschrift für Semiotik. Bd 6. Hft. 1-2. 1984. S. 53.

²⁵ Tudor Economic Documents. London, 1924. Vol. III. P. 386.

²⁶ Kernan A. The Cancered Muse. New Haven, 1959. P. 170.

²⁷ Hale J.R. Renaissance Europe. London, 1971. P. 183-184.

²⁸ Temkin O. 1) Galenism. Rise and Decline of a medical Philosophy. Ithaca (New York), 1974. P. 130-132; 2) The Elusiveness of Paracelsus // Bulletin of History of Medicine. Vol. 26. 1952. P. 201-217; Pagel W. Paracelsus. Basel. 1958. P. 180-186.

²⁹ Thomas K. Religion and the Decline of Magic. London, 1971. P. 536; Pagel W. Paracelsus... P. 146-149.

³⁰ Бэкон Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1978. С. 274.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лебедева Г.Е., Якубский В.А.</i> К 70-летию профессора Г.Л. Курбатова	5
<i>Фролов Э.Д.</i> Немецкий профессор в русском университете: Эрнест Романович фон Штерн (1859-1924).....	29
<i>Лебедева Г.Е.</i> Ф.А. Курганов и И.И. Соколов: учитель и ученик	53
<i>Медведев И.П.</i> Записка В.Н. Бенешевича о возрождении византиноведения в Ленинградском государственном университете.....	72
<i>Степаненко В.П.</i> Печати латинского востока в собраниях Санкт-Петербурга. III. Антиохийское княжество и графство Триполи.....	81
<i>Морозов М.А.</i> Фессалийские ктиторские монастыри (по материалам дипломатариев Макринитиссы и Новой Петры).....	87
<i>Исакова А.В.</i> Византийское иконоборчество в Хронике Евфихия Александрийского	104
<i>Авилюшкина А.Т.</i> Структура третьей части Хроники Михаила Глики и место в ней новозаветных сюжетов	122
<i>Шувалов П.В.</i> У истоков средневековья: двор Аттилы	130
<i>Якубский В.А.</i> «Польское бескорольевье» А.С. Трачевского и его историографический контекст.....	146
<i>Шаферова А.А.</i> Ранний далматинский город.....	164
<i>Аржакова А.М.</i> Епископ Юзеф Верещинский и проекты военной реформы в Речи Посполитой.....	183
<i>Комиссаров Б.Н.</i> Двор за Атлантикой: бразильский император Педру I.....	196
<i>Муха М.В.</i> Коллекция англо-нормандских монет Вильгельма I Завоевателя (1066-1087) в Эрмитаже	214
<i>Малинин Ю.П.</i> Неосвобожденный Константинополь (франко-бургундские планы крестового похода против турок в XV в.).....	221
<i>Прокопьев А.Ю.</i> Герцог Бернгард Саксен-Веймарский (1604-1639): мотивы и модель поведения дворянина в Тридцатилетней войне	230
<i>Федоров С.Е.</i> Порядок предпочтения титулованных особ и должностных лиц в раннестюартовской Англии: к истории становления.....	250
<i>Михайлова И.Б.</i> Княжеский двор на Руси в XI-XV вв.	275
<i>Заливалова Л.Н.</i> Митрофан Васильевич Левченко: штрихи к портрету ученого.....	287
<i>Березкин А.В.</i> Метафора государство — тело в английской политической мысли XVI-XVII вв.	297